

Савелий Крамаров — странный странник

ЕТО БЫЛ человек, который меня ни разу не подвел, не обманул, не предал. По меркам советского времени действительно человек странный, необычный. Савелий часто бывал у меня дома.

— У тебя есть мама, — однажды с грустью и даже, как мне показалось, с завистью проговорил он. Несколько обескураженный его замечанием, я тактично промолчал. Потом от его старого друга я узнал, что Савелий рано потерял родителей. Его отца, видного московского адвоката, арестовали еще в 34-м, потом выпустили, но ненадолго. После второго ареста он сам покончил счеты с жизнью. Видимо, где-то в лагерях пропала мать Савелия. Воспитывал его родной брат отца, с первой волной эмиграции отбывший в Израиль.

Мы с Савелием в пору знакомства были холостяками. Савелий успел развестись с женой — гримером киностудии — и потом очень жалел об этом. Киноуспех в какой-то мере вскружил ему голову, и он решил, что достоин лучшей женщины, неведомого идеала, забыв, что лучшее — враг хорошего.

Впрочем, красавцем он себя не считал, трезво оценивал внешние данные, но надеялся на свое человеческое обаяние и удачу, которую должна была подарить ему судьба за трудолюбие и терпение. Работали мы много и упорно, каждый — в своем жанре. Я, помимо газетных и журнальных рассказов, написал Савелию текст для эстрадных выступлений, роль нелепого сапера в кинофильме «Трембита». Потом мы уехали за «большую» работу. Под сметливым взором редактора телестудии Пургалина. Я писал текст для первого бенефиса, затем ставшего популярнейшей передачей. Театрального вуза Савелий Крамаров не заканчивал и, зная свои пробелы в актерском искусстве, тщательно выверял каждое слово в тексте, а лишнее тут же отсекал или просил заменить.

— Я это сказать не смогу.
— Почему? — удивлялся я.
— Не смогу, — хмурился Савелий, — оно не мое, к тому же фраза получилась громоздкой.

Сделай короче и разговорней.

Чтобы повысить свое актерское мастерство, Савелий пускался порою на хитрости. Устраивался на работу в театр, начинал репетировать роль в пьесе, принимая замечания режиссера, бывалых артистов, тем самым набирая опыт, а перед выпуском спектакля, ссылаясь на срочные кино съемки, покидал театр. Однажды он сам заговорил со мною об этом:

— Неудобно получается. Я грешен перед театрами. Они рассчитывают на меня. А я от них сбегая. Театр — для меня школа, кино — жизнь. И кланюсь Богом, что больше не подведу ни один театр, хотя там столько хороших артистов, у которых есть чему поучиться. Поверь мне...

Глаза Крамарова... Многие считали, что весь комический успех артиста заключен в асимметричном расположении их зрачков. Примитивнейшее заблуждение. Это все равно что объяснять успех Чарли Чаплина его нелепой походкой, или комизм Юрия Никулина его наивно-глуповатым видом, Евгения Моргунова — сверхъестественной толщиной... У каждого выдающегося комического актера есть своя актерская маска. Была она и у Савелия Крамарова, осталась и тогда, когда ему выправили зрение.

Он уже отснялся в нескольких десятках фильмов, завоевал неимоверную популярность у зрителей, на его концертах зрители, как говорится, буквально висели на люстрах.

Помню, как однажды зимою, выехав в подмосковный пансионат «Березки», я волновался, ожидая в гости Крамарова, не зная, удастся ли накормить его в столовой, но стоило ему появиться там, как все официантки и повара бросились к нему, заставив наш стол блодами.

Савелий улыбался официанткам не менее откровенно, чем они ему, но я чувствовал, что он мечтает об успехе у другого зрителя, и отсутствие ролей глубокого философского, даже трагического плана, мучило, раздражало его. А сыграл бы он эти

Умер Савелий Крамаров. Последние двадцать лет его лицо появлялось лишь на видеокопиях американских фильмов. Незаурядный, яркий комик, он оказался, как и многие другие, не нужен своей стране. Вот свидетельство благодарной памяти — не благодаря, а вопреки.

роли не хуже, чем комические. Его воспаленная душа, глубина переживаний мальчика-сироты, сына врагов народа, тем более сумевшего наперекор этой судьбе стать любимым в народе артистом — вся жизнь подготовила его к самым серьезным делам и поступкам, что он и доказал вскоре. Возможно, мы не узнали бы об этих его качествах, если бы кто-то в киноверхах не спустил негласное указание прекратить снимать Савелия Крамарова, поскольку играет он дураков, недоумков и даже кретинов, оглушая наше общество, как известно, самое передовое в мире.

Не думаю, что Савелий сразу и без мучительных раздумий решился покинуть родину. Он пришел прощаться со мной. Принес мне на память книгу об Ильфе и Петрове. Лицо его было почерневшим, осунувшимся.

Я стал отговаривать его от отъезда.

— Тебя знает вся страна! Помнишь встречу в «Березках»? Где ты еще будешь так любим, популярен, как здесь?

Неожиданно Савелий оживился и внимательно посмотрел на меня:

— Мне никто еще не говорил такое!

Он задумался. А я понял, почему никто из «друзей» не отговаривал его от отъезда. Одни хотели избавиться от талантливого конкурента, другие — внутренне завидовали, злорадствовали, наблюдая, как дошедшая до маразма тоталитарщина разбрасывается своими талантами.

Неожиданно он снова поник:

— За последние три года у меня было 12 съемочных дней. Ты понимаешь, что это значит для меня?! Здесь мое творчество закончилось. Попробую себя в другой стране. Если что-либо значу, то

пробуюсь и там. Хотя в какой-то мере. В Талмуде говорится о людях-странниках. Видимо, таким странником буду и я.

Я вспомнил его песню из телевизионного бенефиса с припевом: «А мне опять чего-то не хватает: зимою — лета, осенью — весны!» Тогда я написал, что это песня о нем, о Савелии Крамарове. Ему всегда чего-то не хватало — новых ролей, элементарного личного счастья, любимой жены, ребенка и... своего бассейна, о котором он мечтал. «У меня однокомнатная квартира и машина, — этим ограничено мое благосостояние, — как-то заметил он мне, — неужели я не заслужил возможность на свои деньги купить двухкомнатную квартиру?!»

Но главная причина отъезда была, конечно, не ограничение в жилплощади и не в отказе поехать в турпоездку в ФРГ, как позже утверждали на киностудии, а приостановление его творческой жизни.

Наше прощание вышло предпоследним. Крамарова не выпускали из страны еще четыре года. Киноначальство смекнуло, что придется приостановить показ фильмов с его участием, а это обойдется в копейчку. Киноначальник обещал пустить Савелия в любую турпоездку, даже в ФРГ и в Англию.

— Они думают, что я останусь там, — сказал мне Савелий, — и тогда меня можно будет поливать грязью, как труса, подло сбежавшего на Запад. А я хочу уехать к родственникам. Придаться ко мне будет трудно.

Последовало четыре года борьбы с ОВИРОм, КГБ и с другими артистами-отказниками, показ их иностранным журналистам, заявления, даже письмо о помощи Рейгану. Бесконечная возня с неумным Крамаровым, видимо, надоела чеки-

стам, и ему дали разрешение на выезд. Он знал, что на Западе его ожидают гастролы по русскоязычным регионам мира. Он обратился с просьбой к авторам написать ему номер для этих выступлений. Помню одну из своих реприз для этого номера: «Я снялся в России в тридцати четырех фильмах. В основном играл дураков, идиотов, простофиль. И подумал, что Америка страна сильная, богатая, поэтому одним дураком больше будет в ней, одним меньше — ничего с ней не случится!»

На второе и последнее прощание он пришел более уверенным в своем решении. Но все-таки что-то его волновало. По всей видимости, главное — сложится ли там его киножизнь. Номер для эстрадных выступлений поможет на первых порах.

— А что будешь делать после гастролей? — поинтересовался я.

— Поеду поближе к Голливуду, — неуверенно произнес он.

— Женишься в Америке, — улыбнулся я, а он вдруг посерьезнел:

— Там на это больше шансов. Здесь многие невесты олицетворяли меня с героями, которых я играл, и выйти замуж за меня просто боялись. Я не шучу. Надеюсь, в Америке меня никто не знает, и найти жену действительно будет легко.

Мы понимали, что прощаемся навсегда, расставаться не хотелось, говорили о его будущей жизни. Наконец Савелий посмотрел на часы:

— Извини. Двадцать минут шестого. Скоро закат солнца. Я должен успеть на молитву.

До меня доходили слухи, что гастролы Крамарова на Западе прошли не очень удачно, что Савелий зарабатывает на жизнь, показывая прибывшим эмигрантам еврейские молитвенные обряды, а на сцене заканчивает номер словами о том, что зрители никогда бы не узнали, что он еврей, если не встретили бы его здесь. Потом в газете появился пасквиль о его ничтожной роли в кино, и я понял, что роль удалась, иначе не возник бы этот пасквиль. Затем видеопираты доставили из Америки

фильм, где он играл главную роль. Потом на телеканале я увидел его в окружении охранников на кинофестивале «Кинотавр» в Сочи. И, наконец, он сидит передо мной в ресторане ЦДЛ.

— У меня сохранилось ампула комика. Пока другого выбора нет. Игру русских, чехов, даже немцев — всех героев, кто говорит с английским акцентом. Меня не узнают на улицах, но вспоминают, когда я называю фильмы, в которых играл. Найти свою нишу в Голливуде сложно. Удалось одному Видову. Упорный человек. Хотел проверить, чего стоит в кино на самом деле. Не хвастаясь, но скажу, что вряд ли кто-либо из других наших артистов прижился бы там.

Он выглядел необычайно молодо, лишь седина немного выдавала возраст.

— Чего тебе сейчас не хватает? — спросил я его.

— Хорошего фильма. Поэтому приехал сниматься к Данелии. И вообще люблю перемену мест. Собираюсь переехать в Чикаго. А, может, стану жить где-нибудь в лесу под Лос-Анджелесом. В тишине. Среди природы. Я прожил в России большую часть жизни, хотя, возможно, и не лучшую. Но тянет туда... Где были счастье и боли.

— А как у нас тебе платят? — задал я чисто советский вопрос.

— При чем деньги, если фильм хороший? Считаю, что по-американским понятиям снимаюсь здесь бесплатно. Кстати, перед съемками первого фильма в Америке меня заставили вступить в профсоюз через силу. Не хотел. Зачем он? Я тогда не отошел от советских порядков. А тут вдруг после третьего фильма приходит письмо из кинопрофсоюза. Согласно контракту, я играл одну из главных ролей, но при монтаже она стала второстепенной, и режиссер в титрах поместил мою фамилию маленькими буквами вместо обусловленных больших. Нарушил контракт. Профсоюз заметил это. В результате в конверте вместе с письмом из профсоюза лежало письменное извинение режиссера и чек от него на довольно приличную сумму.

Мы перезванивались несколько раз. А потом я узнал о его тяжелой сердечной болезни. Я подумал, что душевные раны, нанесенные на родине, так и не излечила новая жизнь.

Когда-нибудь он вернется к нам навсегда из своего дальнего и нелегкого странствия.

Робинзон 2017.
1995 - 22-28 июня -
9.11

22.6.95

Крамаров Савелий